

К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ЛЕНИНИЗМА

(БОРЬБА РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ МАРКСИСТОВ
С МЕЛКОБУРЖУАЗНЫМ СОЦИАЛИЗМОМ И РЕВИЗИОНИЗМОМ
В КОНЦЕ XIX в.) *

В. Д. МОЧАЛОВ

Буржуазно-демократическое движение в России, помимо радикального, революционного крыла, имело умеренное, либеральное крыло. В общественном движении 80-х и первой половины 90-х годов решительное преобладание как раз и получает буржуазно-либеральное течение. Не случайно этот период Ленин называл буржуазно-либеральной эпохой.

Усилившаяся и окрепшая в течение пореформенных лет землевладельческая, торгово-промышленная и крестьянская буржуазия находит идейных выразителей своих интересов в лице представителей либеральной и демократической интеллигенции, выступавших на общественной арене в качестве писателей, публицистов, политических деятелей. Так называемое образованное общество того времени было не чем иным, как обществом буржуазно-либеральным.

Помещичий либерализм нагляднее всего проявился в земском движении. Отражением усилившегося процесса буржуазного разложения крестьянства явилось вырождение революционного народничества в либеральное, в мелкобуржуазный, мещанский социализм. Народническая окраска была характерна в рассматриваемый период также и для буржуазного либерализма. Вместе с тем появляется и очистившийся от примеси народничества буржуазный либерализм как идеология крупной промышленной буржуазии.

После того как в годы второй революционной ситуации в земствах заметно проявилось стремление к конституции, еще более усилилось, по выражению Салтыкова-Щедрина, «ощипывание» земств, урезывание их прав самодержавным правительством. Земствам разрешено было, по меткому выражению современника, «что-то обсуждать», но нельзя было «обсуждать некоторых проектов, потому что они стали законопроектами», и некоторых проектов, потому что они не стали еще законопроектами¹. «Ощипывание» завершилось земской контрреформой — положением 1890 г.

Новое положение давало еще меньше простора земствам для легальной оппозиции самодержавию. Земские либералы не могли без конца мириться с произволом самодержавной власти. «Земцы-цензовики и предводители дворянства», — писал Ленин, — суть *демократы*, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демо-

* Статья представляет собой часть главы об общественно-политическом движении в России в конце XIX в., предназначенной для подготавливаемого Институтом истории АН СССР к 50-летию Октябрьской социалистической революции V тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

¹ Н. Федосеев. Статьи и письма, М., 1958, стр. 235.

кратизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен в разных степенях весь и всякий буржуазный демократизм»². Земский либерализм, при всей его дряблости и непоследовательности, в течение долгого времени был наиболее заметным проявлением конфликта между старым и новым господствующим классом: крепостниками-помещиками и буржуазией (главным образом в лице обуржуазившихся помещиков).

Этот конфликт заметно проявился в момент смены царствования. Восшествие на престол нового царя — Николая II породило среди земских либералов новые надежды на «дарование» конституции сверху. В своих адресах по этому случаю некоторые земства (Орловское, Тамбовское и др.), заверяя в «неистощимой верности» царю, в то же время просили об открытом доступе голоса земства к престолу. В ответ на эти «всеподданнейшие» ходатайства Николай II на приеме депутации от дворянства, земств и городов 17 января 1895 г. назвал всякую мысль «об участии представителей в делах внутреннего управления» «бессмысленными мечтаниями» и обещал «охранять начало самодержавия так же твердо»³, как и его покойный батюшка. После этого царского окрика земские либералы продолжали вести линию только легальной оппозиции самодержавию, которая, по словам Ленина, состояла в том, чтобы «десять лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать»⁴. Время от времени они осмеливались лишь пассивно противодействовать той или иной мере царской бюрократии, направленной против земства.

Только подъем рабочего и крестьянского движения в начале нового века заставил наиболее активные элементы земского движения принять участие в оформлении нелегальной (заграничной) организации русской либеральной буржуазии.

Заметной силой в земствах была земская интеллигенция, являвшаяся одним из отрядов разночинной интеллигенции. Она-то прежде всего и заставляла самодержавие подозрительно относиться к земству. Развитие капитализма и обусловленный им рост культуры повлек за собой увеличение спроса на труд интеллигенции во всех областях народного хозяйства, центрального и местного управления. Без услуг интеллигенции не могли обойтись и земства, в ведении которых на местах большей частью находились врачебное и санитарное дело, народное образование, дорожное хозяйство, а также земское налоговое обложение.

Земское дело потребовало прежде всего организации учета, в особенности учета платежеспособных сил главного податного сословия — крестьянства. Для этого понадобились местные подворные исследования. Так появилась значительная потребность в статистиках, которые составили один из первых и поначалу едва ли не самый многочисленный отряд земской интеллигенции. В его рядах было немало демократически настроенных людей, изгнанных правительством из высшей школы за участие в студенческих волнениях, бывших политических поднадзорных и т. п.

С расширением деятельности земств в области врачебной и агрономической помощи населению, народного образования увеличивалась численность земской интеллигенции, пополнявшейся за счет врачей, агрономов, ветеринаров, педагогов, техников. Среди этих людей также было немало лиц, которые пошли на земскую службу, движимые горячим сочувствием к народу, предпочтя ее административной и всякой иной карьере. Еще в начале 80-х годов Г. В. Плеханов писал: «Если в настоящее время нельзя насчитать десятка народников, поселивших-

² В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 184.

³ И. П. Белокопский. Земское движение, изд. 2-е, М., 1914, стр. 52.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 94.

ся в деревне в силу своей программы, по долгу службы революции, то немало образованных и искренних демократов живет в деревне по долгу службы государству, в силу своей профессии»⁵. Он по праву называл этих людей «сельскими демократами».

Особенно заметной была роль земской интеллигенции в общественном подъеме, начавшемся со времени голодных 1891—1892 годов. Земские статистики собирали сведения о пораженных неурожаем местностях, о количестве голодающих, размерах требуемой продовольственной помощи. Земства закупали на собранные средства хлеб для голодающих. Земские врачи, учителя и прибывшие к ним на помощь из города студенты открывали столовые, оказывали продовольственную помощь, устраивали медицинские пункты для изголодавшегося и отчаявшегося населения, которое начал косить голодный тиф, холера и другие болезни. Правительство, при всей своей неприязни к демократическим элементам, должно было мириться с активностью земской интеллигенции на этом поприще.

Земская интеллигенция в лице своих наиболее видных представителей — статистиков и литераторов, агрономов и врачей поддерживала тесную связь с либеральными профессорами Петербурга, Москвы и других университетских центров. Либеральные профессора зачастую являлись их учителями со студенческой скамьи. Благодаря этому земская интеллигенция смогла, например, в 1894 г. почти открыто выступить на IX съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве как заметная общественная сила. Чтобы привлечь к участию в съезде земских статистиков, инициаторами съезда в составе секции географии была создана подсекция статистики. Во время съезда состоялись многочисленные встречи земской интеллигенции для обсуждения волновавших ее общественных вопросов на всевозможных совещаниях, собраниях и ужинах, устраивавшихся на квартирах. На одном из таких собраний участников съезда совместно с передовой молодежью состоялось выступление молодого В. И. Ленина против столпа либерального народничества В. В. (Воронцова).

Ареной для выступлений представителей земской интеллигенции являлись также Вольное Экономическое общество в Петербурге, Юридическое общество при Московском университете и другие научные общества.

Помимо этого, целям объединения земской интеллигенции на местах служили создававшиеся в губерниях для обсуждения нужд разных отраслей земской деятельности совещательные организации: врачебные советы, агрономические съезды, санитарные комиссии, совещания страховых агентов и т. п. Они были также в какой-то мере отдушиной для общественной активности демократической и либеральной интеллигенции.

Увеличение удельного веса и влияния в земствах интеллигенции, среди которой было немало искренних демократов, не могло не обратить внимания правительственной администрации. Она не без основания опасалась образования блока демократически и либерально настроенной земской интеллигенции с выборными земцами. Беспокойство этого рода выразил самарский вице-губернатор Кондоиди. При открытии губернского земского собрания в 1899 г. он, между прочим, в своей речи заявил: «В деле местного хозяйственного управления с давних времен принимают участие лица правительственные и представители поместных обывателей... Между тем,— позволяю себе обратить внимание земского собрания,— в последнее время все более и более усматривается в местной земской жизни участие нового, третьего элемента... Случается, что представители сословий без достаточно проверенных ос-

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 352.

нований внемлют слову интеллигентов, хотя бы то были не более, как вольнонаемные служащие в управе... Грезы лиц, не принадлежащих ни к администрации, ни к представителям сословий в земстве, носят лишь фантастический характер, но могут, допустив в основание политически тенденции, иметь и вредную сторону...»⁶.

Наименование земской интеллигенции «третьим элементом», данно Кондоиди, было подхвачено прессой и с тех пор стало широко употребляться. Усиленный надзор за представителями «третьего элемента» правительство взяло на себя: земские статистики под разными предлогами изгонялись со службы, недостаточно «благонадежные» земские служащие не утверждались в должности, высылались и т. п.

Общественные воззрения земской интеллигенции, как и всё либеральное движение и вся так называемая передовая русская общественная мысль в 80—90-х годах, как уже отмечено, в большей или меньшей мере были окрашены в народнические тона.

Неопределенность политического лица либеральной буржуазии этого времени энергично обрисовал Н. Е. Федосеев в следующих словах «Вы, господа,— либеральные буржуи (помесь бывшего помещика-нигилиста с денежным капиталистом), политическое ничтожество... Вы сами не знаете, кто вы, мелкие ли буржуа, или крупные, или, наконец, скромные защитники сельской поместной буржуазии»⁷.

Одной из причин бессилия и неформальности буржуазного либерализма было то, что либеральные идеи долгое время не находили поддержки среди русской промышленной буржуазии. На первых порах она предпочитала отстаивание своих интересов через посредство буржуазной по своему характеру царской бюрократии и поэтому не склонна была становиться в оппозицию к самодержавию.

Тем не менее уже в первой половине 90-х годов возникла организация, имевшая целью осуществить основную идею земского и иного буржуазного либерализма, идею борьбы за политическую свободу, за конституцию. Это была нелегальная организация демократической интеллигенции — партия «Народного права». В программном документе «Насущный вопрос», изданном в 1894 г., ее инициаторы таковым считали безоговорочное объединение всех революционных сил во имя достижения политических реформ.

Характерной особенностью провозглашенной программы было смешение воедино чисто демократических идей и требований (представительное правление, свобода вероисповедания, независимость суда, свобода печати, свобода сходов и обществ, неприкосновенность личности) с псевдосоциалистическими идеями в духе народничества. Сами организаторы ее (М. А. Натансон, О. Аптекман и др.) продолжали исповедывать народническую доктрину.

Партия «Народного права» не сумела опереться на те оппозиционные буржуазные слои и мелкобуржуазные демократические группы города и деревни, которые только и могли придать ей силу, будучи заинтересованными в демократических преобразованиях. Просуществовав всего около года, партия «Народного права» была разгромлена. Это была ранняя предшественница нелегальной организации русской буржуазии — «Союз освобождения» во главе со Струве.

* * *

Для народнической идеологии вообще характерным являлось то, что на левом своем фланге она сливалась с анархизмом, а на правом — с либерализмом. Эта неспособность народничества отмежеваться от

⁶ И П. Белокопский. Указ. соч., стр. 71—72.

⁷ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 211.

либерализма была одной из причин того, что в условиях реакции 80-х годов среди народников возобладало либерально-народническое течение. Следовавшие один за другим в 70-х — начале 80-х годов разгромы народнических организаций и усиление буржуазного разложения крестьянства повлекли за собой потерю веры народнической интеллигенции в особый, небуржуазный уклад крестьянского хозяйства и в общину как зародыш социализма. Вместе с этим была утрачена и вера в крестьянина как носителя социалистического идеала, вера в его готовность к немедленной социальной революции. Крестьянство, с которым связывала свои социалистические планы русская демократическая интеллигенция, явно не оправдало ее надежд.

К какому классу она должна была в этих условиях обратить свои взоры? Часть ее обратила их к пролетариату промышленных центров и благодаря этому стала переходить на позиции марксизма. Но несравненно большая часть передовой русской интеллигенции, оставаясь по-прежнему на народнических позициях, все свои надежды стала возлагать на «общество», т. е. на образованные слои буржуазных классов. В этом находил свое выражение процесс вырождения революционного народничества в мелкобуржуазный радикализм, народнический либерализм.

Главной идеей либерального народничества было утверждение о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» буржуазному хозяйству. Теоретики либерального народничества — Н. К. Михайловский, В. В. (В. П. Воронцов), Николай — он (Н. Ф. Даниельсон) и др. — считали, что принцип манифеста 19 февраля 1861 г. — наделение крестьян землей — был каким-то совершенно особым принципом, чем тот, на котором покоился хозяйственный строй западно-европейских буржуазных государств. Они считали, что «доставление самим производителям орудий труда» служит залогом особого, некапиталистического пути развития России.

Либеральные народники не хотели видеть того, что развитие и укрепление мелкого трудового крестьянского хозяйства может происходить и происходит в жизни только путем превращения его в мелкобуржуазное хозяйство. Реальная тенденция развития мелких производителей — крестьян, при господстве в стране товарного хозяйства есть превращение их в товаропроизводителей, в мелких буржуа. А поскольку в своих реформаторских планах, направленных на помощь и ограждение мелкого «народного производства», народники не сходили с почвы существующего общественно-экономического строя, оставляли в неприкосновенности товарное хозяйство, то их социализм был на деле мелкобуржуазным, мещанским социализмом.

Либеральные народники под флагом социализма проводили идеи буржуазного реформаторства. Они были, в сущности, не более чем мелкобуржуазными философами, экономистами и политиками, поскольку не признавали подлинно революционного принципа — принципа классовой борьбы как движущей силы в развитии общества, разделенного на классы.

Экономическая и политическая программы либеральных народников заключались в восстановлении и улучшении «народного производства», под которым они разумели хозяйства мелких производителей — крестьян и кустарей. Предлагаемые ими для этого «меры» сводились к расширению крестьянского землевладения, регулированию аренды и переселений, требованию дешевого кредита, устройству банков, складов, изобретению дешевых двигателей и других технических улучшений, организации сбыта, общественных запасек и артельной переработки сырья. Все эти меры мыслилось осуществить без уничтожения «священных прав» на собственность — на почве существующих капиталистических порядков.

Народники были убеждены, что поднятие таким путем экономического уровня мелкого хозяйства может в корне уничтожить развитие капиталистической формы хозяйства. Они совершенно закрывали глаза на то, что все эти чисто либеральные мероприятия могли укрепить, усилить и развить не массу задавленного и эксплуатируемого крестьянства, а только крепких хозяев, тех, кто владел капиталом, т. е. мелкую «народную» буржуазию.

Либеральные народники как настоящие идеологи мещанства хотели не уничтожения эксплуатации, а лишь смягчения ее, не борьбы с капиталистическим строем, а примирения с ним. Поэтому Ленин говорил, что изучать либеральных народников надо не тогда, когда они выступают против социал-демократов и «для такого случая надевают мундир, сшитый из лохмотьев «отцовских идеалов», а в их будничной одежде, когда они обсуждают детально вопросы повседневной жизни. И тогда вы можете наблюдать этих идеологов мещанства со всем их цветом и запахом»⁸.

Уже по одному тому, что либеральные народники перед лицом абсолютистского государства позволяли себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований, можно судить о реакционности их направления. Продолжая гнущаться политической борьбы, стремясь замазать антагонизм классов и осуждая конституционные стремления как выгодные одной буржуазии, они уповали на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» (слова «Русского богатства»), на то, что царское правительство возьмет на себя осуществление рекомендуемых ими мер к поднятию «народного производства», спасению общины от капиталистического пленения, а может быть, и призовет их самих к осуществлению этих мер.

Один из революционных марксистов того времени язвительно заметил, что смысл экономической политики либеральных народников состоял в том, чтобы «ожидать всемиловейшего манифеста, призывающего божье благословение на обобществленный труд при громких аплодисментах господ капиталистов и помещиков, убедившихся в невозможности существования антинародной формы производства»⁹.

Ко времени 90-х годов либерально-народническое течение сделалось господствующим среди интеллигенции. Народнические идеи пропагандировались не только со страниц толстых журналов, но и центральных газет и провинциальных листков, проводились в земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. п. Либеральное народничество стало идеологией большей части «третьего элемента». Оно пропагандировалось с университетских кафедр и трибун земских управ, всевозможных съездов и собраний прогрессивной интеллигенции города и деревни. Это широкое распространение народничества казалось его громадным и неоспоримым успехом.

По поводу этого явления В. И. Ленин писал: «Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение вишь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии»¹⁰.

Самым влиятельным легальным демократическим органом в начале 80-х годов были «Отечественные записки». В пору их нового расцвета в 70-х — начале 80-х годов они издавались Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным, верными хранителями традиций рево-

⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 261.

⁹ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 117.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 283.

люционного просветительства 60-х годов. Но к концу существования журнала в нем все большее влияние стала приобретать либерально-народническая группа писателей — Н. К. Михайловский, Н. С. Кривенко, С. Н. Южаков и др., которая однако на этом этапе в какой-то мере еще следовала заветам старого народничества. Другим демократическим органом печати, в котором просветительские черты еще явно преобладали над либерально-народническими, был журнал «Дело». Его публицисты — Н. В. Шелгунов, П. Н. Ткачев, В. В. Берви-Флеровский и др. настойчиво выступали против пережитков крепостничества и политического бесправия народа, уделяли внимание рабочему вопросу. С усилением реакции в 1884 г. один из этих органов был закрыт, а другой должен был изменить направление; их виднейшие сотрудники были отправлены в ссылку.

В начале 90-х годов литературной цитаделью либерального народничества сделался журнал «Русское богатство», перешедший к тому времени в руки группы Михайловского. В нем принимали также участие и другие теоретики народничества — В. В. (В. П. Воронцов), автор книги «Судьбы капитализма в России» (1882), и долголетний корреспондент К. Маркса и Ф. Энгельса — Николай — он, автор другого основополагающего народничества труда — «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893). Теоретическое обоснование народничества его столпами сопровождалось отказом от всякой революционной борьбы, примирением с царизмом, критикой марксизма и травлей русских социал-демократов.

Выразителем наиболее реакционного крыла либерального народничества являлся еженедельник «Неделя», который спасение России видел в существующей общине, пропагандировал отказ от борьбы за переустройство современного общества во имя теории «малых дел» и культурничества, откровенно призывал к «сближению с царской властью».

Либерально-народнические идеи одновременно пропагандировались и со страниц крупнейших органов буржуазно-либеральной прессы — журнала «Русская мысль», газеты «Русские ведомости» и др. После закрытия в 1884 г. «Отечественных записок» журнал «Русская мысль» занял первое место в прогрессивной русской журналистике. В него перебрались некоторые из сотрудников «Отечественных записок» (Михайловский, Южаков, Златовратский и др.) и к нему перешла большая часть их подписчиков. Журнал имел умеренно-либеральное направление с народническим налетом. Цензура его оценивала как «мирно-революционный орган» и редакторов его рассматривала как людей, которые сами лично не желают стать «безумцами, двигающими человечество, но явно, что расплодить таких двигателей они не прочь»¹¹. В «Русской мысли» печатал свои известные «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунов, после того как был вынужден прекратить сотрудничество в журнале «Дело». Редакция «Русской мысли», в отличие от другого влиятельного либерального журнала этого времени — «Вестника Европы», частично сотрудничала с представителями революционных кругов. В «Русской мысли» опубликовал несколько статей возвратившийся из ссылки Н. Г. Чернышевский, печатался Г. В. Плеханов и другие революционеры-эмигранты.

Газета «Русские ведомости» была тесно связана с земскими кругами и велась по преимуществу силами либеральной профессуры, поэтому считалась самой солидной газетой и в просторечии именовалась «профессорской». Подписываться на нее считала своим долгом вся либеральная интеллигенция. В газете принимали участие крупные на-

¹¹ Б. И. Есин. Русская журналистика 70—80-х годов XIX века, М., 1963, стр. 126.

учно-литературные силы: А. И. Чупров, А. С. Постников, Н. А. Каблуков, М. М. Ковалевский, А. А. Мануйлов, К. А. Тимирязев, А. Ф. Фортунатов и др. Ценными корреспонденциями с мест газету снабжали земские статистики и другие представители разночинной интеллигенции. А поскольку среди последних, а также и среди передовой профессуры либерально-народнические идеи имели большое число сторонников, то это делало газету «Русские ведомости» в известной мере также проводником этих идей.

* * *

Либерально-народническое течение, став господствующим течением общественной мысли, в условиях общественного оживления, начавшегося после голодного 1891 и холерного 1892 гг., главную для себя опасность увидело в марксизме, который все более распространялся и упрочивался на русской почве. Наблюдавшееся среди русской передовой мыслящей молодежи массовое увлечение теорией марксизма пугало представителей старых, народнических идей.

На очередь дня в общественно-политической жизни вставал исторической важности вопрос — кто поведет за собой массу крестьянства и городскую мелкую буржуазию: либеральная буржуазия и либеральное мещанство (радикалы) или социал-демократия, вооруженная действительно революционной теорией и опирающаяся на борьбу самого передового класса общества — пролетариата?

Положительное разрешение этого кардинального вопроса В. И. Ленин ставил в прямую связь с борьбой, с одной стороны, против буржуазного либерализма и, с другой, либерального народничества. «Буржуазная демократия в России, т. е. в первую голову крестьянство, — подчеркивал Ленин, — колеблется между либеральными буржуа и пролетариатом не случайно, а в силу своего классового положения. Дело рабочих — высвободить крестьянство из-под влияния либералов, беспощадно борясь с «народническими» учениями»¹².

Уже в начале 90-х годов выродившееся в чисто реформистское течение либеральное народничество начало планомерную и ожесточенную борьбу против оформлявшейся русской революционной социал-демократии, против русских революционных марксистов. Поход против марксистов открыл самый влиятельный и талантливый либерально-народнический публицист — Н. К. Михайловский. Взгляды его во всех отношениях, касалось ли это философии и социологии или экономических вопросов, были буржуазно-демократическими, но приукрашенными якобы социалистической фразой. С осени 1893 г. Михайловский начал печатать в журнале «Русское богатство» серию статей, в которых, используя выгоды привилегированного положения легального органа, обрушился с клеветой и инсинуациями на революционных марксистов, лишенных возможности ответить ему публично.

В личной переписке марксистов между собой уже в то время было отмечено, что в полемике Михайловского «с палачом, шпионом Катковым было менее презрения к этому подлецшему противнику, чем в филиппике против нас»¹³. Нарождение и рост числа русских марксистов Михайловский объяснял тем, что мол понизился на Руси «уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускнели идеалы, выступили разочарования»¹⁴. Против этой клеветы на новое поколение революционеров в редакцию «Русского богатства» посыпались письма-протесты русских марксистов. Одним из авторов этих писем был

¹² В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 337.

¹³ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 176.

¹⁴ См. там же, стр. 102.

Н. Е. Федосеев. Отвечая Михайловскому на его выпад, он писал: «Я не встречал такой страстной жажды знаний, такой энергии критической мысли и такой отзывчивости к злобам дня, какие господствуют в марксистских кружках. Идеалы этих кружков горят ярко; стремление к практической деятельности очень велико. Жаль только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретическая работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории, по крайней мере важнейших и ближайших ее фазисов. Только тогда, когда будет выполнена эта работа, русский марксизм встанет на твердую почву; только тогда явится возможность выработки научно-определенной единой программы практической деятельности...»¹⁵.

Прозорливо угаданная в приведенном письме историческая задача — разработка теоретических начал мировоззрения русских марксистов и определение программы практической деятельности русской социал-демократии была блестяще разрешена уже в конце XIX в. В. И. Лениным в таких его гениальных работах, как «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества», «Развитие капитализма в России» и др. Эта великая позитивная задача решалась в ходе беспощадной борьбы русских революционных социал-демократов с либерально-народническим мировоззрением и его оппортунистической, реформистской политикой.

В результате мастерского применения марксизма к условиям России и упрочения его на русской почве, в обстановке начавшегося после смерти Энгельса в 1895 г. усиления оппортунистического течения в социал-демократических партиях Запада, революционный марксизм с новой силой засверкал всеми своими гранями, сделал громадный шаг вперед в своем развитии.

В соответствии с пословицей: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней» следом за Михайловским с нападка на марксистов обрушились его многочисленные подпевалы из лагеря либеральных народников, также выставлявших себя «друзьями народа». По поводу какой-нибудь речи, сказанной марксистом на нелегальной вечеринке и обращенной в лучшем случае к нескольким десяткам слушателей, на марксистов обрушивались громы и молнии со страниц «Русского богатства» и «Вестника Европы», имевших не один десяток тысяч читателей. Впрочем, марксисты, хорошо знавшие цену «доводам» и «аргументам» народников, не особенно этим смущались. Марксист Федосеев писал Михайловскому: «Ваша клика большей частью тем и ограничивается, что испускает ...воинственные вопли, предоставляя Вам, как «герою», вести «настоящую борьбу», которой и рукоплещет в известных случаях»¹⁶.

В своей «критике» марксизма Н. К. Михайловский и другие либеральные народники злобно клеветали на марксистов и нагло извращали марксизм, чтобы легче было его «опровергнуть». Революционную доктрину, которая являлась самым последним словом общественной науки и которая внутренне соединяла в себе строгую и высшую научность с последовательной революционностью, они изображали в виде какой-то фаталистической «схемы»: индивидуальная собственность в своем развитии отрицает сама себя и диалектически превращается в свою противоположность — общественную собственность. Михайловский заявлял, что «марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве»¹⁷, что они готовы поступить на службу к капитализму. Подобными утверждениями и при-

¹⁵ Там же, стр. 102—103.

¹⁶ Там же, стр. 158.

¹⁷ «Русское богатство», кн. 10, 1893, стр. 138.

емами полемики народники, как правило, только настраивали против себя всякого сколько-нибудь мыслящего читателя, побуждая его обращаться к первоисточникам, к марксистской литературе.

Искажая марксизм, либеральные публицисты и мелкобуржуазные радикалы-народники замалчивали его диалектико-материалистический подход к социологическим вопросам, игнорировали учение о классовой борьбе и прямую цель теории марксизма — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, чтобы вооружить рабочий класс истинным лозунгом борьбы. Как сторонники исключительно мирного — мещанского прогресса, они ополчались против революционных марксистов, желавших, по словам Ленина, «оставаться «сангвиниками», сторонниками социальной революции и обучать, руководить и организовать действительно революционные общественные элементы»¹⁸.

Первую попытку открыто противопоставить в легальной печати народническому мировоззрению якобы марксистские взгляды сделал П. Б. Струве, напечатавший в сентябре 1893 г. книгу под названием «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Автор уже в предисловии к книге заявил, что он примыкает к марксизму только «по некоторым основным вопросам» и что «ортодоксией он не заражен». Взгляды Струве в самом деле были весьма далеки от марксизма. Поэтому его выступление не только не послужило победе марксизма над народничеством, но, напротив, дало повод либерально-народнической прессе для новых многочисленных нападок на русских марксистов.

В самом конце 1894 г. против философских и социологических воззрений Н. К. Михайловского, а также его «субъективного метода» в социологии в защиту и с обоснованием диалектического материализма выступил Г. В. Плеханов, по характеристике Ленина, «самый знающий по философии марксизма социалист»¹⁹. Под псевдонимом Н. Бельтова ему удалось издать легально в Петербурге книгу под названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Неопределенность заголовка книги, не уточнявшего, о каком монизме идет речь (идеалистическом или материалистическом), помогла отвести глаза цензуре. «Длинно-неуклюжее заглавие выбрано было мною как громоотвод»²⁰, — вспоминал впоследствии Плеханов.

В своем сделавшемся знаменитым философском труде Плеханов показал, что диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, приведенцами которого являлись русские революционные марксисты, вобрал в себя и обобщил результаты векового развития западноевропейской философской и исторической мысли. Данный им, блещущий эрудицией исторический очерк развития материализма, диалектики и учения о классовой борьбе наглядно свидетельствовал, что марксизм есть действительно последнее слово науки об обществе. Характеризуя современный материализм, Плеханов мастерски обрисовал исторические взгляды Маркса, его теорию исторического материализма, согласно которой отношения производства, экономика служат основой, на которой зиждется идеологическая надстройка — политика, наука, философия, искусство и т. д. Он показал, что материалистическое объяснение истории подготовлено всем предшествующим развитием науки об обществе, тогда как «субъективный метод» народников — всего лишь бледное воспроизведение давно отвергнутой наукой (после исчерпывающей критики Маркса и Энгельса) идеалистической философии «самосознания»

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 184.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 119.

²⁰ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, изд. 5-е, Пг., 1917, стр. 2.

братьев Бауэров, впервые перенесенной на русскую почву П. Л. Лавровым. Бруно Бауэр, отмечал Плеханов, родил «автора «Исторических писем», который родил г. Михайловского и братьев его»²¹. Таков был действительный генезис философских идей русского народничества.

Большой заслугой Плеханова было то, что в своей книге он до конца развенчал превозносившуюся народниками идеалистическую теорию «героев и толпы» Михайловского и показал действительную роль личности, роль народа, роль передовых революционных классов в истории.

Книга Плеханова (Бельтова) сыграла важную роль в повороте переломной мысли молодежи к марксизму, который произошел в середине 90-х годов. По свидетельству современника, «Бельтовым клялись. Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке. „Народник“, „субъективист“ стали бранными словами... Народнические храмы пустели все более и более»²². Не случайно Ленин отмечал, что на книге Плеханова воспиталось целое поколение марксистов.

Однако одной критики «субъективного метода» народников и противопоставления ему философии марксизма — диалектического и исторического материализма — было еще недостаточно для победы нового направления. Необходимо было, во-первых, критически рассмотреть всю систему взглядов либерального народничества и, во-вторых, что было еще более насущной задачей, — на основе марксистского метода проанализировать всю русскую действительность и, исходя из этого анализа, наметить программу практических действий революционной социал-демократии. Эту задачу, как известно, выполнил В. И. Ленин уже в первых своих трудах. Весной и летом 1894 г. появились изданные нелегально три выпуска книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». В 1895 г. увидела свет статья «Экономическое содержание народничества», напечатанная в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Сборник был вскоре сожжен по распоряжению цензуры, но сто экземпляров его удалось распространить. Значение этих работ исключительно велико. В них впервые была оформлена и систематически изложена целая система важнейших идей, которые позднее были всесторонне развиты Лениным и, получив в XX в. наименование большевизма, сыграли всемирно-историческую роль в судьбах русской революции и международного коммунистического движения.

В своих работах Ленин впервые показал полную научную несостоятельность теоретических основ либерально-народнического направления, господствовавшего течения русской общественной мысли. Он вскрыл буржуазное и мелкобуржуазное содержание этого направления. Вместе с тем В. И. Ленин раскрыл философское и экономическое содержание и дал марксистскую критику народничества в целом, народничества в широком смысле слова, с учетом всех этапов его эволюции. Тем самым он определил отношение революционных марксистов к своим предшественникам — идейным представителям самого многочисленного в России класса мелких производителей — крестьян.

Являясь последовательным сторонником метода Маркса, Ленин считал, что для выяснения сущности какой угодно системы взглядов, принципов, теорий необходимо показать их материальное основание в наличных общественно-экономических отношениях, свести их к интересам определенных общественных классов и социальных прослоек. Сущность народничества состояла в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя, крестьянина, в отражении его точки зрения. Господство народнической идеологии в пореформенной России связано было с наличием в стране массы мелких производителей, которых про-

²¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 222.

²² М. Н. Лядов. Как начала складываться РКП(б), изд. 3-е, М., 1926, стр. 140.

должали угнетать остатки крепостничества, с одной стороны, и начинал теснить зарождавшийся крупный капитал, с другой. Народничество и выразило протест со стороны мелкого производителя против того и другого гнета.

Народничество не было однородным на всем буржуазно-демократическом, разночинском этапе русского освободительного движения. Содержание народнической идеологии менялось по мере экономической эволюции самих мелких производителей, превращавшихся в товаропроизводителей, мелких буржуа. Помимо этого, во все периоды народничество имело свое правое и левое крыло, что сближало его с либерализмом, с одной стороны, и анархизмом, с другой.

Расхождение во взглядах между народниками и марксистами, как показал В. И. Ленин, прежде всего касалось следующих трех моментов:

1) Народники считали, что развивающийся в России капитализм представляет собой явление регрессивное, поскольку он обрекает на уничтожение класс мелких производителей — крестьян и «кустарей». В отличие от них марксисты признавали прогрессивность капитализма, так как последний организовывал обобществленное крупное производство, являющееся необходимой материальной предпосылкой социализма, и создавал класс пролетариев, способный свергнуть капитализм и построить общество, организованное на социалистических началах.

2) Народники желали представлять интересы труда, но на деле они всегда становились на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращал в товаропроизводителя. Поэтому они идеализировали его, объявляя русского крестьянина социалистом по инстинкту, а русскую сельскую общину («народное производство») — зародышем социализма. В отличие от них марксисты не закрывали глаз на русскую действительность и указывали, что в условиях товарного хозяйства мелкий производитель превращается в товаропроизводителя, т. е. мелкого буржуа. «Это положение, — писал Ленин, — можно назвать центральным пунктом теории РАБОЧЕГО СОЦИАЛИЗМА по отношению к старому крестьянскому социализму, который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, в которой живет этот мелкий производитель, ни капиталистического разложения его на этой почве»²³.

3) Народникам было чуждо понимание исторического материализма и связи идей и политических учреждений с материальными интересами определенных общественных классов, — они оставались идеалистами. В отличие от них марксисты считали, что объяснение общественных идей и учреждений необходимо искать в общественно-экономических отношениях, что не идеи и теории определяют бытие людей, а их общественно-экономическое положение определяет их идеи.

Далее, Ленин всегда отличал старое, классическое, боевое революционное народничество — русский «крестьянский социализм» от либерального народничества — мещанского, мелкобуржуазного социализма. Как социалистическая доктрина утопический русский «крестьянский социализм» представлял из себя относительно стройную концепцию. Основой ее являлась *«вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции»*²⁴. Исповедывавшие эту веру революционные народники считали крестьянскую общину зачатком и фундаментом социализма, а крестьянина-общинника — готовым социалистом. Видя буржуазный характер пореформенной России, они искали «залогов будущего» в «общинном быте» народа. Политику они отвергали, указывал Ленин, как якобы выгодную одной лишь буржуазии. К либерализму русского

²³ В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 238.

²⁴ Там же, стр. 271.

«общества» относились безусловно отрицательно, так как за ним видели вождения той же буржуазии. Чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию, призванную разрушить самые основы буржуазного общества, они шли «в народ».

Но крестьянство, поставленное после реформы 1861 г. в обстановку развивавшегося товарного хозяйства и капитализма, проникнутое частнособственническим индивидуализмом, оказалось глухо к их призывам. Вера в особый (общинный) уклад крестьянского хозяйства оказалась иллюзией, которая при первом же столкновении с жизнью развеялась как дым. После этого народники решили, что отозваться на их призыв крестьянам мешает правительство. Поэтому они все свои силы обратили на борьбу с ним. Эту борьбу народники вели с неслыханной до тех пор энергией и самоотвержением. Главным средством своей борьбы они избрали индивидуальный террор с целью дезорганизации сил правительства и его юсвержения.

Перейдя, вопреки своей доктрине, к борьбе за политическую свободу, народники сделали большой шаг вперед, хотя и понимали эту борьбу слишком узко — только как организацию заговора. И вели ее они во имя прежней цели — крестьянской социалистической революции, т. е. на основе несостоятельной теории, и потому безрезультатно.

Исторической заслугой революционных народников, этих, по характеристике Ленина, «лучших людей своего времени», был боевой демократизм, создание превосходной конспиративной революционной организации, беззаветная преданность делу революции, бесстрашие и героизм, чего не могли не ценить революционные марксисты.

Что же касается революционной теории и революционной тактики, то в этой части эпоха революционного народничества в основном дала, согласно оценке Ленина, лишь «опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России»²⁵. Далее, конкретизируя свою оценку данного периода русского революционного движения, он отмечал, что прогресс последнего состоял «не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием героической интеллигенции»²⁶.

Со времени 80-х годов революционное народничество стало неуклонно вырождаться в либеральное течение, в мелкобуржуазный реформизм. «Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции»²⁷. Политическая программа либеральных народников свелась к требованию от «общества» и правительства мероприятий по укреплению мелкого крестьянского хозяйства и кустарных промыслов («народного производства»), т. е. была направлена не на подрыв существующего строя, а вполне укладывалась в его рамки.

Социально-революционное народничество, которое отгораживалось от либерального «общества», превратилось в культурнический оппортунизм, смыкающийся с либерализмом. Крестьянский социализм переродился в мещанский социализм, который усматривал «прогрессивные течения» в поднятии агрикультурного и технического уровня хозяйства кулаков. Прикрытием этого факта и служила либерально-народническая теория Михайловского, В. В. (Воронцова), Николай — она о воз-

²⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 7.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 71—72.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 8, стр. 77.

возможности для России миновать капитализм, о неклассовом характере русской демократической интеллигенции и пр.

«Эта теория,— писал Ленин,— была теорией утопического, мещанского социализма, т. е. *мечтанием* мелкобуржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма *не в классовой борьбе* наемных рабочих с буржуазией, а в *воззваниях* ко „всему народу“, к „обществу“, *то есть к той же буржуазии*»²⁸.

Перерождение революционного народничества в либеральное было естественным и неизбежным, поскольку само крестьянское хозяйство, вынужденное работать на рынок, стало существенно изменять свой характер, становясь товарным, предпринимательским, т. е. по своему типу хозяйством буржуазным, или же постепенно разорялось, пролетаризировалось; крестьянство раскалывалось на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат. Заботясь о «мерах» поднятия экономического уровня крестьянского хозяйства, народники на деле пеклись об интересах сельской мелкой буржуазии. Таким образом, само экономическое развитие отняло всякую почву у мифа об особом (общинном, т. е. небуржуазном) укладе крестьянского хозяйства, «Ог соприкосновения с действительностью,— отмечал Ленин,— миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»²⁹.

Таким образом, народничество как социалистическая доктрина, сторонники которой мечтали, минуя капиталистическую фазу развития, создать коллективную форму производства на базе «общинного» труда, было утопией. Народничество же, базировавшее свой социалистический идеал не на крупном обобществленном производстве, а на «равенстве» мелких хозяев в условиях товарного производства, было мелкобуржуазным, мещанским социализмом. Поэтому Ленин говорил о «необходимости разрыва с мещанскими идеями *социализма*» как «БЕЗУСЛОВНО реакционными, ПОСКОЛЬКУ они выступают в качестве социалистических теорий»³⁰.

Но, отрицая социалистический характер мелкобуржуазных народнических идей, теорий и программ, нельзя было не видеть в них две стороны: прогрессивную, радикально-демократическую, и реакционную, поскольку сам класс мелкой буржуазии, класс крестьянства, интересы которого они отражали, имел двойственный характер. Реакционным было стремление к сохранению своего положения как класса мелкой буржуазии. Реакционными были «меры», призванные затормозить развитие капитализма (вроде неотчуждаемости наделов и пр.). Вместе с тем под лозунгом «уравнительности» крестьянство боролось против феодального землевладения, средневековых привилегий и всех остатков крепостничества. В этом заключалась прогрессивная сторона его устремлений. Общедемократические требования: самоуправления, предоставления крестьянам гражданских прав, подъема мелкого хозяйства путем удешевления кредита, улучшения техники, организации сбыта, отмены выкупных платежей, возвращения отрезанных земель — вплоть до полной конфискации помещичьего землевладения и национализации земли — пролетариат готов был неизменно поддерживать. Это были требования класса, революционно настроенного, готового к решительной борьбе с абсолютизмом и остатками крепостничества. «...Борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений,— писал Ленин,— прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы...»³¹. Борьба

²⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 321.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 286.

³⁰ Там же, стр. 298.

³¹ Там же, стр. 301.

за демократические требования в союзе с крестьянством была средством, облегчавшим пролетариату борьбу против буржуазии.

Таким образом, в результате всесторонней критики народничества Ленин показал исторические истоки, экономическое содержание и обнажил классовые корни народничества как радикально-демократического течения. Одновременно с этим он выдвинул и обосновал одну из основных идей большевизма — идею союза пролетариата с крестьянством в борьбе с абсолютизмом и остатками крепостничества.

В полемике с либеральными народниками Ленин блестяще защитил основы марксистского мировоззрения и мастерски применил теорию марксизма к объяснению русской истории и русской экономической и политической действительности, обосновал историческую миссию российского пролетариата и задачу создания революционной пролетарской партии.

Отстаивая материализм и диалектику, применяя глубоко и цельно учение Маркса об общественно-экономических формациях и смене их как естественно-историческом процессе к истории России, Ленин впервые подвел подлинный научный фундамент под изучение русской истории и действительности.

Всесторонне проанализировав русскую экономическую действительность, Ленин убедительно доказал, что основу ее составляют система товарного хозяйства, переросшего в капитализм, и отживающие феодально-крепостнические отношения. Свои плодотворные идеи об экономическом строе и складывающихся общественных классах в России Ленин в дальнейшем широко развил в последующих своих трудах. Так, его статья «Экономическое содержание народничества» во многих отношениях, как он сам отметил, являлась «конспектом позднейших экономических работ (особенно „Развития капитализма“)»³².

Глубоко исследовав все стадии развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности России, Ленин показал, что только крупная машинная индустрия смогла создать подлинно революционный класс — класс пролетариев. Последний является естественным представителем «всего трудящегося и эксплуатируемого населения... потому, что эксплуатация трудящегося в России *повсюду является по сущности своей капиталистической*, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства». Рабочий класс является единственным до конца последовательным борцом за освобождение всего эксплуатируемого населения, так как «крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу»³³. В. И. Ленин указал, что историческая миссия российского рабочего класса состоит в осуществлении его руководящей роли, гегемонии по отношению к борьбе всех трудящихся за уничтожение всех видов угнетения и эксплуатации, в великом деле построения коммунистического общества.

Указав на то, что историческое назначение и сущность социал-демократии состоит в соединении социализма с рабочим движением, Ленин выдвинул на первый план задачу организации социалистической рабочей партии, которая призвана осуществить это соединение. Ближайшими задачами партии, по мысли Ленина, являлись: 1) теоретическая работа, имеющая целью подробную разработку марксистского понимания русской истории и действительности; 2) пропаганда марксистской теории среди рабочих и 3) выработка подходящей для русских

³² В. И. Ленин, ПСС, т. 16, стр. 98.

³³ В. И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 310—311.

условий формы организации для сплочения рабочих в политическую силу.

Последние строки „Друзей народа“ явились поистине великим прощесством: «...Русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*»³⁴.

* * *

Поход, начатый вожаками либерального народничества против революционного марксизма, не стяжал им лавров. Более того, результат его был для них совсем неожиданным. Он послужил началом поворота передового общественного мнения от народничества к марксизму. Именно с этого момента марксизм становится действительно широким, массовым и самым влиятельным общественным течением в России.

Вот что писал об этом В. И. Ленин, вспоминая время, отмеченное первыми и явными успехами марксизма в России: «Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов... Внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,— до тех пор прошло не мало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»³⁵.

В числе этих марксистских книг были такие, как имеющий эпохальное значение труд Ленина «Развитие капитализма в России», его же «Экономические этюды и статьи», упоминавшаяся выше знаменитая полемическая работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.

Марксисты Поволжья в 1896—1897 гг. легально издавали в течение нескольких месяцев газету «Самарский вестник», в списке сотрудников которой фигурировали Г. В. Плеханов, П. П. Маслов, А. Н. Потресов и другие марксисты. В 1897 г. в Петербурге начал выходить толстый журнал марксистского направления — «Новое слово», но после появления девятой книжки он был закрыт. В 1899 г. стал издаваться другой легальный марксистский орган — «Начало», на пятом номере также закрытый властями. В конце 90-х годов марксисты получили возможность печататься в прогрессивных журналах — «Научное обозрение», «Образование», «Жизнь», которые предоставляли свои страницы марксистам «собственно из моды», как заметил Ленин в одном письме из ссылки.

Это кратковременное процветание марксизма в легальной литературе, способствовавшее быстрому распространению марксистских идей в России, сделалось возможным благодаря особым обстоятельствам. Большое значение имело то, что для борьбы с народничеством революционные марксисты имели возможность войти в союз с попутчиками из буржуазной интеллигенции — такими, как Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев, для которых марксистский флаг был своего

³⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 312.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 15—16.

рода прикрытием. Марксизм служил для них лишь средством в борьбе с мелкобуржуазными утопиями народников, в целях утверждения своих либерально-буржуазных позиций³⁶. «Это были,— характеризовал Ленин главных представителей легального марксизма,— буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мелшанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»³⁷.

Союз с легальными марксистами Ленин считал первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. «Благодаря этому союзу,— отмечал он,— была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»³⁸.

На союз с легальными марксистами русские социал-демократы пошли на определенных условиях. Непременным условием такого союза для революционных марксистов являлась полная возможность для них раскрывать враждебную противоположность интересов пролетариата и буржуазии, т. е. воспитание социалистического сознания пролетариата. Свидетельством строгого следования этому условию служит изданный в 1896 г. совместно с легальными марксистами сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», литературные выступления революционных марксистов в печатных органах легального марксизма и вообще в прогрессивной печати.

Публикуя в указанном сборнике свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. По поводу книги П. Струве: Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», Ленин совершенно ясно отмежевался от автора книги, подвергнув сокрушительной критике все его отступления от марксизма. Еще более резко это было им сделано в положенном в основу статьи реферате. О направленности содержания реферата говорило уже само название его: «Отражение марксизма в буржуазной литературе».

Главный порок книги Струве Ленин усматривал в том, что ее автор сграничивался узким объективизмом — признанием лишь необходимости данного исторического процесса, его объективной закономерности и причинной обусловленности, но закрывал глаза на антагонизмы и классовые противоречия, порождаемые данным процессом, данным строем общественных отношений; не указывал на то, какой класс дает содержание данному процессу, на противостоящие друг другу классы, из которых один класс господствующий, другой класс — угнетенный и эксплуатируемый; не становился на точку зрения определенного класса.

Струве «соглашался» с марксовым анализом капитализма, но отвергал «прогноз» Маркса — смену капитализма социализмом. «Если мы,— писал он,— под марксизмом будем разумеать безусловно объективную часть воззрений Маркса и примем во внимание, что его «прогноз» прямо как таковой, не может иметь безусловно обязательного характера для всякого исследователя (хотя бы и принимающего все остальное учение Маркса), то мы должны будем допустить, что можно быть марксистом,

³⁶ Активный участник полемики революционных марксистов с либеральными народниками Г. В. Плеханов впоследствии писал: «Идеологи прогрессивной буржуазии, с г. Струве во главе, некоторое время рядом с нами боролись с публицистами народничества. В борьбе с народниками, которые к тому времени пришли в жалкое состояние и потеряли всякий революционный облик, идеи Маркса были решающим оружием. Поэтому ими пользовались не только идеологи пролетариата, но и идеологи буржуазии. Между тем последним теория Маркса нужна была только для борьбы с народниками. Как только эта борьба была закончена, буржуазные публицисты поспешили отречься от учения Маркса. В нашей литературе началась «ревизия» марксизма, которая зашла у нас дальше, чем где бы то ни было» (Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 181).

³⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 96.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 16.

не будучи социалистом»³⁹. Признавая «марксизм» без социализма, Струве давал свой «прогноз», который явился лейтмотивом всей его книги: «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной»⁴⁰.

Таким образом, в полемике со Струве Ленин ясно обрисовал два принципиально разных подхода к объяснению и оценке русского капитализма: идеолог буржуазии доказывает закономерность и прогрессивность капитализма, марксист не ограничивается этим, а вскрывает присущие капитализму непримиримые классовые противоречия и тем самым показывает его исторически преходящий характер.

Как себе представлял Струве будущее капитализма, поскольку он стоял на точке зрения закономерности его развития?

«Экономический прогресс требует социальной реформы», — отвечал он. Вслед за немецкими катедер-социалистами (Брентано, Шульце-Геверницем и др.) он, в сущности, признавал, что «экономический прогресс непосредственно приводит к прогрессу социальному, что последний, так сказать, естественно, без всякой классовой борьбы и без всяких сознательных усилий, направленных на создание принципиально новой организации народного хозяйства, вырастает на почве первого»⁴¹.

Развивая далее свои оппортунистические мысли, Струве вскоре прямо заявил: «Теперь о том насильственном перевороте, который превозносился деятелями «Народной воли», никто серьезно не помышляет». На что Ленин вполне резонно ответил: «Говорите только за себя!.. И какое же это было бы „революционное“ движение, если бы из его участников никто серьезно не помышлял о насильственном перевороте?»⁴².

В своих «Критических заметках» Струве открыто выступил против учения Маркса о «резком падении, крушении капитализма», т. е. против идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата, противопоставляя ей борьбу за реформы. На самом же деле борьба за реформы, указывал Ленин, нисколько не противоречит учению «о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью — дойти именно до „падения“»⁴³. Идея «крушения» — отнюдь не «увлечение» молодого Маркса, как утверждал Струве. Все сочинения Маркса представляют собой не что иное как обоснование, проведение и развитие идеи резкого «крушения капитализма», идеи социалистической революции.

Буржуазно-либеральный характер воззрений Струве особенно наглядно виден из его отношения к государству. Он считал плодом «односторонности» взгляд Маркса и его последователей, что государство является орудием классового господства; что оно есть продукт и свидетельство непримиримости классовых интересов в обществе. «Государство, — заявлял Струве, — есть прежде всего организация порядка». Поэтому отличительный признак государства он видел в наличии принудительной власти. «Принудительная власть, — отвечал на это Ленин, — есть во всяком человеческом общении, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было»⁴⁴. Струве утверждал, что государство должно сохраниться также и в обществе, в котором уничтожены классы. Он всемерно затушевывал существенный признак государства — наличие особого слоя лиц (бюрократии), в руках которых сосредоточивается власть.

³⁹ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, СПб., 1894, стр. 69.

⁴⁰ Там же, стр. 250.

⁴¹ Там же, стр. 197.

⁴² В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 56.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 460—461.

⁴⁴ Там же, стр. 439.

«Легальный марксизм» был первым открытым проявлением ревизии марксизма не только в России, но и на международной арене. Его главный представитель — Струве не случайно гордился тем, что выступил с ревизией марксизма на пять лет раньше Бернштейна, предвосхитив его главные идеи. «Основные мотивы критического поворота в марксизме,— писал Струве в 1902 г.,— были предвосхищены, правда, в очень несовершенной и рудиментарной, но все-таки довольно явственной форме в моей книге 1894 года»⁴⁵. В свете этого свидетельства особенно ясно выступает значение защиты Лениным революционного марксизма от ревизионистского извращения его со стороны Струве, историческое значение ленинского вклада в борьбу с ревизионизмом на международной арене⁴⁶.

Не случайно Ленин считал «струвизм» синонимом ревизионизма и не раз потом говорил о нем как о «буржуазном осклолении марксистских истин»⁴⁷, оппортунистической переделке марксизма. «Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события,— писал Ленин в 1915 г.,— международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм „посредством мягкости“, удушить посредством объятий, путем якобы признания „всех“ „истинно-научных“ сторон и элементов марксизма, кроме „агитаторской“, „демагогической“, „бланкистско-утопической“ стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до „общего“ признания „социалистических идеалов“ и смены капитализма „новым строем“, и отбросить „только“ живую душу марксизма, „только“ его революционность»⁴⁸.

Реальный смысл выдвинутых Струве идей в полной мере обнаружился, когда он в своих «Критических заметках» перешел к практическим вопросам экономической политики. «Разумной» и «прогрессивной» он считал только либерально-буржуазную политику, политику поддержки крупного капитала. Отсюда его знаменитый призыв: «пойдем на выучку к капитализму». В частности, в деревне он отстаивал политику поддержания ее «жизнеспособных элементов, путем создания из них экономически крепкого крестьянства».

Однако задача ли марксистов поддерживать политику, назначение которой состоит в том, чтобы помогать буржуазии таскать каштаны из огня? На самом деле народническая экономическая политика, если принять во внимание ее прогрессивную сторону, больше отвечала интересам свободного развития капитализма и полному выявлению всех его противоречий. И подлинная задача марксистов заключалась в том, чтобы оказывать поддержку, содействовать развитию и углублению прогрессивных требований крестьянства — союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Струве, Туган-Барановский и другие начали с несогласия с «некоторыми» сторонами теории марксизма. Но на этом эволюция буржуазных демократов, рядившихся в марксистский наряд, не закончилась. Под флагом «дальнейшего критического развития» марксизма они захотели привить свою либерально-буржуазную идеологию рабочему классу и тем самым развратить его сознание, превратить его в хвост

⁴⁵ Сборник «На разные темы», СПб., 1902, стр. 300—301.

⁴⁶ В отношении формы проявления ревизионизм Струве и Бернштейна отличался тем, что открыто поднимал «знамя восстания» против марксизма, был, так сказать, «боевым ревизионизмом». Не менее опасной Ленин считал и другую форму ревизионизма, который выступал «как трусливое, прячущееся отречение, часто оправдываемое «практическими», главным образом, будто бы практическими, соображениями» (В. И. Ленин, ПСС, т. 21, стр. 70).

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 69.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 227.

буржуазии. Стало ясно, что революционным марксистам было с ними не по пути. Разрыв с «легальными марксистами» в условиях отсутствия демократических свобод в России вылился в простое изгнание последовательных марксистов из легальной прессы. Из союзников бывшие «легальные марксисты» вскоре превратились в злейших врагов революционных марксистов.

«Старый „друг народа“ в вечность отошел,
И ему на смену Пе фон-Струве шел...»

В ходе идейной борьбы, которую развернули русские марксисты в конце XIX в. с мещанским социализмом либеральных народников не только на страницах нелегальных изданий, но и в легальной печати, ясно обрисовались три столкнувшиеся между собой мировоззрения: 1) мелкобуржуазный, мещанский социализм, 2) буржуазный либерализм и 3) пролетарский социализм. Каждое из этих мировоззрений выражало точку зрения и интересы основных классов русского общества: класса мелкой буржуазии, главным образом крестьянства, класса капиталистов и рабочего класса. Борьба революционных марксистов с идеологами буржуазной и мелкобуржуазной демократии была не чем иным как борьбой за гегемонию пролетариата по отношению к массе крестьянства и городской бедноты в назревавшей народной революции.

Начальный этап этой идейной схватки, включавший в себя кратковременный союз революционных марксистов с буржуазными демократами в целях ускорения победы над господствовавшим до этого в общественно-политическом движении мелкобуржуазным народничеством, был этапом интенсивной работы марксистской мысли. Он имел место накануне подъема в России массового рабочего движения, знаменитой «промышленной войны» петербургского пролетариата в 1896—1897 гг. С этого момента борющийся пролетариат России уже не перестает выступать как самый могучий фактор русской революции.

Разгром либерального народничества с позиций последовательного марксизма, беспощадная критика ревизионизма В. И. Лениным ясно говорили, на каком идейном фундаменте он призывал русских марксистов строить социалистическую рабочую партию. Это было поистине великим началом закладки идейных основ большевизма, основ ленинизма, основ Коммунистической партии Советского Союза.
